

Ильин 2446

ЖК м

Е. О. Буринскій,

СУДЕБНЫЙ ФОТОГРАФЪ,

Почетный членъ Русскаго Фотографическаго Общества.

34'

Б 913

СУДЕБНАЯ

ЭКСПЕРТИЗА ДОКУМЕНТОВЪ,

производство ея и пользованіе ею.

1944 г.

Пособіе для гг. судей, судебныхъ слѣдователей, лицъ прокурорскаго надзора, повѣренныхъ, защитниковъ, судебныхъ врачей и графическихъ экспертовъ.

1944
ОЦЕНКА
№ 3

Ильин 2446

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Спб. Т-ва Печатн. и Издат. дѣла „Трудъ“ Фонтанка, 86.

1903.

КНИГОХРАНИЛИЩЕ
СВЕРДЛОВСКОГО РАЙОНА
г. СВЕРДЛОВСК

Ильин 1936 г. 56914 п

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Отъ автора	VI.
ГЛАВА I. Экспертиза документовъ въ гражданскомъ и уголовномъ судахъ	1
ГЛАВА II. О судебной фотографіи	33
ГЛАВА III. Цвѣтодѣлительная фотографія, какъ основаніе судебного изслѣдованія документовъ	58
ГЛАВА IV. Цвѣторазличеніе	113
ГЛАВА V. О распознаваніи и сличеніи почерковъ	126
ГЛАВА VI. Почерковѣдѣніе какъ наука	177
ГЛАВА VII. Психографологія (этогографологія)	191
ГЛАВА VIII. Физиографологія	211
ГЛАВА IX. Определенное и неопределенное заданія	281
ГЛАВА X. О присяжномъ фотографѣ и его помощникѣ	335
Книги и статьи на русскомъ языкѣ, имѣющія отношеніе къ экспертизѣ документовъ	347

ОТЪ АВТОРА.

Въ 1896 году, I-й Съездъ русскихъ дѣятелей по фотографическому дѣлу выразилъ желаніе, чтобы было составлено и издано руководство по судебной фотографіи, которымъ могли-бы пользоваться какъ лица производящія судебно-фотографическія работы, такъ и тѣ, кому приходится такими работами пользоваться (судьи, слѣдователи, прокуроры, повѣренные, защитники, тяжущіеся, обвиняемые и др.).

Исполняя желаніе Съезда, я счелъ полезнымъ не ограничиться лишь рамками судебной фотографіи, но составить руководство для судебной экспертизы документовъ вообще. Поэтому, я включилъ двѣ главы о почерковѣдѣніи и одну главу о сличеніи и распознаваніи почерковъ, съ цѣлью дать понятіе о томъ, что извѣстно до настоящаго времени о нормальномъ актѣ письма и о болѣзненныхъ его измѣненіяхъ.

Трудъ этотъ могъ-бы быть выполненъ успѣшнѣе судебно-фотографическою лабораторіею при прокурорѣ Спб. Судебной Палаты, но такъ какъ въ теченіи 10-ти лѣтъ

лабораторія такой книги не издала и не заявила о своемъ намѣреніи издать ее когда либо въ будущемъ, то—лучше что нибудь, чѣмъ ничего.

Такъ какъ подобное изданіе можетъ рассчитывать на распространеніе лишь въ очень небольшомъ числѣ экземпляровъ, то пришлось назначить за книгу довольно высокую цѣну; ипаче не окупилась-бы издержки по отпечатанію и изготовленію клише.

Евгѣній Буринскій.

С.-Петербургъ,
9 Ноября 1902 года.

ПОЧЕРКОВЪДѢНІЕ.

„Еще ли стоять будемъ у порога и прекословіемъ неосновательнаго предувѣренія удержимся? Никоею мѣрою; но напротивъ того, сколько намъ дано и позволено, далѣе простираться не перестанемъ, осматривая все, къ чему умное око проникнуть можетъ.

Ломоносовъ. Академическая рѣчь 1753 г.

Non jubet mihi deplorare vitam, quod multi et ii docti, saepe fecerunt, neque me visse poenitet; quoniam ita vixi, ut non frustra me natum existimen.

ГЛАВА VI.

Почерковѣдѣніе какъ наука.

Quidquid essentiae dignum est scientiae dignum.

(Бэконъ Веруламскій).

Судебно-доказательная сила письменныхъ актовъ зиждется на убѣжденіи, что каждому человѣку принадлежитъ особый почеркъ, отличный отъ всѣхъ другихъ и способный, въ случаѣ надобности, служить надежнымъ опредѣлителемъ его личности. Если-бы каждый могъ свободно писать любымъ почеркомъ, письменныя доказательства не имѣли бы смысла.

Если такая увѣренность не есть исконное заблужденіе, но, дѣйствительно, каждый изъ насъ неразрывно связанъ съ своимъ почеркомъ, то уже одно это должно служить достаточнымъ основаніемъ для включенія науки о почеркахъ—если таковая возможна—въ кругъ знаній, имѣющихъ предметомъ изслѣдованіе природы человѣка. Почерковѣдѣнію надлежитъ быть, поэтому, одной изъ отраслей антропологии.

Пусть мы не въ состояніи предъугадать, какимъ образомъ наука о почеркахъ послужитъ въ будущемъ человѣкопознанію (а это не совсемъ такъ—кое-что предсказать и теперь позволительно); все-же любопытно и небезполезно разъяснить, почему почеркъ индивидуаленъ; почему онъ наследуется часто дѣтьми отъ родителей; *) почему, напр., англійскія дѣти, обучающіяся во Франціи и Германіи сохраняютъ (что единогласно утверждаютъ педагоги) особенности англійскаго письма; почему ученики одного учителя, копируя однѣ и тѣ-же прописи, вырабатываютъ, каждый отдѣльно, собственные почерки?

«Si duo idem faciunt, non est idem»; это изреченіе нигдѣ не можетъ имѣть такого вѣрнаго значенія, какъ при разсматриваніи почерка, такъ какъ отклоненія отъ установленной прописи встрѣчаются у каждаго индивидуума. Каждый

*) Извѣстно, на примѣръ, что лордъ Пальмерстонъ, впервые увидѣвъ, въ зрѣломъ возрастѣ, почеркъ своего отца, былъ пораженъ сходствомъ этого почерка съ его собственнымъ.

производить механическое писаніе па свой ладъ, каждый вырабатываетъ свои особенныя, специфически-индивидуальныя формы характернаго письма. Эта общая неправильность могла бы легко привести къ предположенію, что школьныя прописи неправильны, т. е. не подходят для писанія, что онѣ не принимаютъ въ расчетъ цѣлесообразныя движенія пальцевъ и руки, такъ какъ это всеобщее отклоненіе отъ правильной прописи должно имѣть болѣе глубокую причину, кромѣ внѣшнихъ. Школьныя прописи касаются только до механической части письма и ставятъ опредѣленныя правила для положенія пишущаго во время сидѣнія за письмомъ, положенія руки и пальцевъ, веденія пера, выполненія отдѣльныхъ составныхъ частей письма и т. д., но онѣ не занимаются и не могутъ заниматься духовными, индивидуально-различными вліяніями и пониманіями почерка. Какъ музыкантъ можетъ передать своему ученику только умѣнье владѣть мускулами пальцевъ, по долженъ предоставить ему самому духовное пониманіе и духовно-жизненную передачу музыки, такъ точно и то, что мы называемъ выраженіемъ почерка, совершенно не зависитъ отъ школьныхъ правилъ, составляетъ особенность, достояніе одного только индивидуума, не измѣняющееся и не передаваемое *). Чѣмъ все это объясняется?

Такихъ вопросовъ можно поставить множество. Всѣ они убѣждаютъ, что связь между физической природой человѣка и строгіемъ его почерка существуетъ несомнѣнно. Опираясь на произведенныя уже изслѣдованія, мы имѣемъ полное право сказать, что почеркъ заключаетъ въ себѣ изображеніе человѣка, но въ скрытомъ состояніи, какъ непроявленная, но уже экспонированная фотографическая пластинка; остается найти проявитель. И въ этомъ отношеніи сдѣланы первые шаги, какъ увидимъ далѣе, доказывающіе, что скрытое изображеніе можетъ быть вызвано.

Каждая строка рукописи человѣка есть подробнѣйшій указатель его особыхъ примѣтъ, писанный на языкѣ очень еще мало намъ извѣстномъ, но доступномъ изученію. До этого изученія у насъ до сихъ поръ, что называется, руки не доходили; кромѣ того, если мы и допускали (до нѣкоторой степени) наличность въ почеркѣ латентнаго изображенія его собственника, то лишь расплывчатаго, не рѣзкаго, въ видѣ „нравственныхъ портретовъ“, даваемыхъ психографологами. „Предметомъ науки способны быть сами по себѣ всѣ факты, слѣдующіе другъ за другомъ согласно какимъ нибудь постояннымъ законамъ, хотя бы эти законы и не были (да и не могли быть) открыты при помощи средствъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи“ **); иначе пришлось бы, говорить Д. С. Милль, отнять названіе науки напр. у метеорологіи.

„Можно представить себѣ такой случай, когда наука занимаетъ промежуточное положеніе между совершенствомъ и крайнимъ несовершенствомъ: могутъ оказаться доступными для наблюденій болѣе важныя причины—тѣ, отъ которыхъ зависитъ главная часть явленій. Если-бы

*) *Erlenmeyer*, d.-g.—Die Schrift. Stuttgart. 1879. s. 11.

***) Милль, Д. С.—Система логики. Москва 1899 стр. 686.

не было никакихъ другихъ причинъ (кромѣ этихъ важнѣйшихъ), можно было бы дать полное объясненіе не только самому изучаемому явленію но также и всѣмъ возможнымъ его уклоненіямъ и видоизмѣненіямъ. Но, такъ какъ во многихъ или даже во всѣхъ случаяхъ этимъ главнымъ причинамъ содѣйствуютъ или противодѣйствуютъ другія (быть можетъ много другихъ причинъ), дѣйствіе каждой изъ которыхъ въ отдѣльности незначительно, то слѣдствіе естественно болѣе или менѣе уклоняется отъ того, что получилось бы отъ дѣйствія однѣхъ главныхъ причинъ. И вотъ, хотя бы такія второстепенныя причины были менѣе доступны или даже вовсе недоступны для точнаго наблюденія, мы все таки, какъ и въ первомъ случаѣ, будемъ въ состояніи объяснить и даже предсказать главную часть слѣдствія; только мы будемъ встрѣчать уклоненія и видоизмѣненія, которыхъ не въ состояніи объяснить вполне и наши предсказанія исполнятся не во всей точности, а лишь приблизительно.

„Астрономія нѣкогда была наукой, не будучи наукой точной, она не могла стать точной наукой, пока не объяснили и не нашли причинъ не только планетныхъ орбитъ, но также и пертурбацій. Впослѣдствіи же она стала точной наукой, потому что изучаемыя ею явленія были подведены подъ законы, охватывающіе всю совокупность ихъ причинъ и указывающіе для каждой изъ такихъ причинъ ту долю слѣдствій, которая ей дѣйствительно принадлежитъ“.

Къ такого рода наукамъ принадлежитъ и почерковѣдѣніе. Этой отрасли знанія суждено, безъ всякаго сомнѣнія, сдѣлаться когда-нибудь одною изъ важнѣйшихъ отраслей антропологии, не менѣе важной, по крайней мѣрѣ, чѣмъ антропометрія, съ которой почерковѣдѣніе очень тѣсно связано. Извѣстный антропологъ Крживицкій, присоединяясь къ опредѣленію Катрфажа, говоритъ, что „антропология изучаетъ человѣка монографическимъ образомъ, совершенно такъ, какъ это дѣлаетъ естествоиспытатель со всякимъ животнымъ. Эта наука представляетъ естественную исторію человѣка подобно тому, какъ маммаліологія изображаетъ естественную исторію млекопитающихъ, а энтомологія естественную исторію насѣкомыхъ. Антропология охватываетъ внѣшнее описаніе человѣка, *сравнительныя изслѣдованія надъ органами и ихъ отправлениями*, изученіе разновидностей, какія мы наблюдаемъ въ въ основномъ типѣ и, наконецъ, анализъ человѣческихъ инстинктовъ и обычаевъ“ *).

Почерковѣдѣніе имѣетъ, кромѣ того, всѣ данныя, чтобы сдѣлаться точною наукою, потому что матерьялъ, съ которымъ она оперируетъ, поддается измѣренію, а изслѣдуемая ею явленія правильному наблю-

*) Крживицкій, Л.—Физическая антропология. Переводъ съ польскаго С. Д. Романько-Романовскаго. Спб. 1900.

денію и эксперименту. Задачи почерковѣдѣнія виолнѣ опредѣленныя: найти законы зависимости между дѣятельностью органовъ производящихъ письмо и результатомъ этой дѣятельности—почеркомъ. Въ этомъ смыслѣ почерковѣдѣніе имѣетъ несравненно болѣе правъ называться наукой, чѣмъ многія знанія, всѣми признаваемыя нынѣ за научныя.

Оно переживаетъ всѣ тѣ моменты развитія, которыхъ не миновали другія науки; однимъ изъ такихъ моментовъ должно признать возникновеніе психографологіи, какъ искусства создавать по почерку „нравственные портреты“ писавшаго. По справедливому заключенію Сень-Симона, „знаменательнѣйшимъ моментомъ въ исторіи человѣческаго духа былъ тотъ, когда астрономы изгнали изъ своей среды астрологовъ. Такъ какъ химическія явленія много сложнѣе явленій астрономическихъ, человекъ занялся ими много позднѣе. Въ изученіи химіи онъ впалъ въ тѣ же ошибки, которыя онъ надѣлалъ при изученіи астрономіи. Но наконецъ химики отдѣлались отъ алхимиковъ. Физиологія и теперь еще находится въ неблагопріятныхъ условіяхъ, чрезъ которыя прошли астрономическая и химическая науки; необходимо, чтобы физиологи изгнали изъ своей среды философовъ, моралистовъ и метафизиковъ, какъ астрономы изгнали астрологовъ, какъ химики изгнали алхимиковъ“. „*Toutes les sciences ont commencé par être conjecturales*“ говоритъ онъ-же. Гегелевскій законъ появленія и разрѣшенія противоположностей долженъ былъ проявить себя и въ исторіи почерковѣдѣнія: за періодомъ чрезмѣрнаго увлеченія слѣдоваль, непосредственно, періодъ отрицанія и, наконецъ, насталъ періодъ спокойнаго отношенія. Всякій разъ, когда мы слагаемъ и высказываемъ извѣстную мысль, мы отдѣляемъ ее, отграничиваемъ отъ всѣхъ остальныхъ возможныхъ мыслей, ставимъ ее какъ опредѣленное положеніе. Но тѣмъ самымъ мы приходимъ къ необходимости выяснить, опредѣлить то, что положенію противоположно, поставить противоположеніе. Соревнованіе двухъ крайностей ведетъ къ указанію общаго начала, которое возвышается надъ ними и примиряетъ ихъ, къ объединенію или синтезу; это высшее понятіе, въ свою очередь, проходитъ тотъ же процессъ и т. д.

Вспомнимъ френологію Галля. Въ свое время говорили, что слава Галля затмѣвала славу его современника Наполеона I-го. О. Контъ считалъ идею Галля „откровеніемъ“ и мечталъ о созданіи физиологической френологіи. Поспѣшное пользованіе френологическими признаками со стороны поверхностныхъ поклонниковъ Галля свело френологію на степень хиромантіи, хирогномоніи и другихъ сомнительныхъ искусствъ; неблагопріятное сужденіе о френологіи такого авторитета, какимъ былъ Кювье, совсѣмъ было похоронило созданіе Галля. Примиреніе противоположностей происходитъ уже на нашихъ глазахъ—результатомъ его является ученіе о локализациі мозговыхъ функцій.

Такіе ученые, какъ вѣнскій психіатръ и невропатологъ Бенедиктъ не задумываются уже ставить Галля на ряду съ Бэкономъ, Ньютономъ, Галлилеемъ и Каптомъ *).

Почеркъ есть весьма сложная функція очень многихъ переменныхъ, — это правда; сложность, заслоняя отъ насъ закономерность, порождаетъ мнѣніе, что почеркъ представляетъ нѣчто случайное, не подчиненное никакимъ умопостижимымъ законамъ. Всѣ научныя мысли зарождались съ трудомъ и требовалось много времени и борьбы для того, чтобы онѣ стали общимъ достояніемъ человѣчества. Истины, которыя намъ теперь кажутся самоочевидными, устанавливались лишь постепенно, великими усиліями и терпѣніемъ; намъ трудно даже представить себѣ, какъ могли онѣ вызывать сомнѣнія и не быть принятыми сразу всѣми людьми, обладающими умственными способностями! Намъ кажется, что на мѣстѣ этихъ людей мы оказались бы умнѣе и прозорливѣе, что мы безъ труда постигли бы истинность предложенія и стали бы на его сторону. Такъ будетъ впоследствии и съ почерковѣдѣніемъ.

Еще очень недавно въ нашемъ пониманіи не вмѣщалась идея о подчиненности нравственныхъ дѣйствій какимъ либо общимъ, единообразнымъ законамъ; статистика заставила насъ убѣдиться, что событія, по самому существу своему представляющіяся зависящими только отъ случайныхъ комбинацій причинъ, происходятъ, тѣмъ не менѣе, съ почти математической правильностью (при соблюденіи закона большихъ чиселъ). Для большинства и теперь кажется невѣроятнымъ, что какой нибудь фактъ убійства не есть результатъ чистѣйшаго произвола или слѣпой случайности, но слѣдствіе непреложнаго закона, по которому число убійствъ въ достаточно большой срокъ находится въ постоянномъ отношеніи къ извѣстной, достаточно большой группѣ людей.

Съ тѣмъ же недоувѣріемъ (и по тѣмъ же причинамъ) относимся мы къ возможности уловить зависимость между почеркомъ и физической природой пишущаго, несмотря на то, что увѣренность въ индивидуальности почерка лежитъ въ основѣ современной общественной жизни: мы шагу не дѣлаемъ безъ „документа“, безъ росписки, твердо вѣруя, что „гдѣ рука тамъ и голова“. Извѣстный юристъ Миттермайеръ, не задумываясь, утверждалъ, что „искусство сличать почерки не можетъ быть основано на точныхъ правилахъ“; по его мнѣнію, всякій почеркъ легко поддѣлать, а также бываетъ, что почерки двухъ лицъ, случайно, оказываются одинаковыми. Вслѣдъ за Миттермайеромъ этотъ приговоръ повторяютъ поднесъ и другіе юристы; они, конечно, послѣдніе примирятся съ правомъ на существованіе науки почерковѣдѣнія.

* Гёте, въ одномъ изъ писемъ къ Лафатеру, не отрицая существо-

*) *Benedikt*, K. Schäedel-und Kopfmessung. Eulenburgs Real Encyclopädie d. gesammten Heilkunde. B. XVII, 2 Aufl. s. 401.

ваніе опредѣлимой связи между человѣкомъ и его письмомъ, высказывалъ лишь сомнѣніе, что „Аріаднина нить, долженствующая вывести насъ изъ этого лабиринта, можетъ быть когда нибудь найдена“. Его тоже пугала сложность подлежащаго изслѣдованію предмета, потому что въ его время наука не обладала тѣми средствами и орудіями, какими обладаетъ теперь *).

Гёте смотрѣлъ на письмо (почеркъ) какъ на конечный результатъ взаимодействія множества неизвѣстныхъ факторовъ психическихъ, физиологическихъ и механическихъ; этотъ результатъ, по его мнѣнію, не можетъ сказать намъ ничего о процессахъ, его создавшихъ, какъ не можетъ окончательное числовое рѣшеніе арифметической задачи дать понятія о произведенныхъ дѣйствіяхъ. Совершенно вѣрно; психографологія потому и не достигаетъ своей цѣли, что начинается съ конца, оперируетъ съ страницей рѣшеній арифметическаго задачника, надѣясь угадать по числовымъ отвѣтамъ содержаніе соответствующихъ задачъ. Почерковѣдѣніе (физиографологія) идетъ обратнымъ путемъ, т. е. старается изучить сначала механизмъ письменно-двигательнаго аппарата, происхожденіе письменной рѣчи и обращается къ анализу почерка тогда только, когда извѣстны доли участія каждаго составителя этого аппарата въ актѣ писанія. Создается, такимъ образомъ, возможность видоизмѣнять опыты (какъ это дѣлалъ Эрленмейеръ), выключая одни условія и вводя другія, съ цѣлью опредѣленія вліянія каждаго изъ нихъ на конечные результаты.

Существуетъ множество соображеній, обязывающихъ насъ совершенно отрѣшиться отъ взгляда на почеркъ какъ на случайное сочетаніе тѣхъ или иныхъ буквенныхъ формъ и линій. На первомъ планѣ стоитъ общеизвѣстная и доказанная наслѣдственность характерныхъ особенностей почерка. Вопросы о наслѣдственности составляютъ теперь камни преткновенія для антропологовъ „вслѣдствіе неопредѣленности приѣмовъ изслѣдованія и обширности сроковъ для производства его“ **). „Чтобы обосновать законы наслѣдственности, необходимо произвести точное статистическое изслѣдованіе достаточно большаго числа родителей и ихъ потомства и сравнить между собою полученные результаты“ ***). Съ другой стороны, въ исторіи развитія нормальныхъ и патологическихъ особенностей, наслѣдственность имѣетъ, по общему убѣжденію антропологовъ, первенствующее значеніе. Передача путемъ наслѣдственности нормальныхъ и аномальныхъ особенностей какъ сома-

*) Объ этихъ средствахъ и орудіяхъ и, вообще, о современномъ состояніи экспериментальной психологіи можно найти любопытныя свѣдѣнія въ статьѣ д-ра Лазурскаго. (Обозрѣніе психіатріи, неврологіи и экспер. психологіи № 4, 1901 г.).

**) Петри, Э. Наслѣдственность и вырожденіе. Реальн. Энцикл. Медиц. Наукъ, т. XII.

***) Крживицкій. Л. Физическая антропологія. 1900. Слб.

тическаго, такъ и психическаго характера, должна находить свое графическое выраженіе въ почеркѣ, который всецѣло зависитъ отъ этихъ особенностей и ими совершенно опредѣляется, въ чемъ легко убѣдиться даже при поверхностномъ знакомствѣ съ произведенными уже точнѣйшими изслѣдованіями механики письма. Отсюда ясно, что въ почеркѣ антропологъ могъ бы имѣть удобный графикъ законовъ наслѣдственности, притомъ независящій отъ ошибокъ антропометрическихъ измѣреній.

Далѣе идетъ врачебно-діагностическое значеніе почерка, твердо установленное такими авторитетами какъ Шарко, Фогтъ, Эрленмейеръ, Тардье, Фере и др. Передъ нами множество фактовъ, записанныхъ въ лѣтописи медицинской науки достовѣрными наблюдателями, не остающихся сомнѣнія въ существованіи таинственной связи между нервно-мозговыми заболѣваніями и нарушеніями обычнаго вида почерка. Къ сожалѣнію, наблюденія эти почти всегда имѣютъ характеръ простыхъ „примѣтъ“ благодаря тому, что сами наблюдатели совсѣмъ не освѣдомлены въ физиологіи письма.

Кромѣ того, „большинство больныхъ, попадающихъ въ клиники, гдѣ единственно только и возможно бываетъ точное научное наблюденіе каждаго патологическаго случая, принадлежатъ или къ совершенно безграмотному слою общества, или, если они и обучены бывають грамотѣ, то все же владѣють письмомъ лишь въ очень ограниченной степени. Вслѣдствіе этого врачъ, встрѣчаясь съ различными проявленіями болѣзней письменной рѣчи у подобныхъ малограмотныхъ людей, не знаетъ, что именно зависитъ отъ болѣзни и что отъ недостаточнаго образованія. Наблюденія надъ людьми образованными могли бы дать очень цѣнныя указанія, но для этого необходимо, чтобы самое общество понимало значеніе этого рода изслѣдованій и помогало бы врачамъ“ *).

Не малая доля вины въ томъ, что сдѣланныя наблюденія не имѣютъ той цѣнности, которую должны и могли-бы имѣть, падаетъ на современныхъ врачей. По этому поводу д-ръ П. Н. Прохоровъ **) говоритъ о своихъ коллегахъ слѣдующія горькія истины.

Врачи, безъ сомнѣнія, люди образованные, но система образованія не подготавливаетъ ихъ къ правильнымъ научнымъ выводамъ, даже имѣя въ рукахъ точные инструменты. Они знаютъ много фактовъ, но система образованія кладетъ печать на умѣнье дѣлать изъ фактовъ выводы. По понятіямъ древнихъ, врачу, какъ и всякому образованному человѣку, необходимо было быть риторомъ и знать философію; по понятіямъ среднихъ вѣковъ, кромѣ всего этого, ему необходимо было изученіе схоластическихъ измышленій и комментаріевъ къ философамъ. Подготовка къ занятіямъ медициной въ наши времена, къ сожалѣнію, немисляма безъ классическихъ гимназій, въ которыхъ математическая подготовка

*) Манассина, М. О письмѣ вообще. Спб., 1883.

**) Прохоровъ, П. Н. Біологическія основы медицины. Спб. 1898, вып 2-й.

весьма слаба, а естественно-историческая вовсе не существуетъ. Плоды классическаго образованія даютъ себя чувствовать не только при изученіи медицины, но накладываютъ черную тѣнь на послѣдующую врачебную дѣятельность. Привычка заучивать множество словъ и фразъ, грамматическихъ правилъ и исключеній, безъ всякой связующей мысли, односторонне развиваетъ память и убиваетъ духъ мышленія. Недаромъ Мольеръ такъ издѣвался надъ латынью врачей, подъ прикрытіемъ которой скрывалась научная несостоятельность.

Недостаточность математическихъ и естественно-историческихъ знаній, считающихся для врачей дѣломъ второстепенной важности, ведетъ къ печальнымъ результатамъ относительно правильности заключеній и выводовъ. Можно взять подъ рядъ цѣлыя коллекціи нашихъ докторскихъ диссертаций и какъ нельзя болѣе убѣдиться, что, за рѣдкими исключеніями, незнаніе предѣловъ погрѣшностей измѣрительныхъ приборовъ, а также незнакомство съ элементарными основами правильно поставленныхъ опытовъ, — обѣ эти причины заставляютъ авторовъ дѣлать неточные выводы, пользуясь весьма точными измѣрительными инструментами. Докторскія диссертации, выходящія изъ различныхъ лабораторій, служатъ часто въ качествѣ экспериментальныхъ данныхъ матеріаломъ, ссылаясь на который нѣкоторые клиницисты строятъ свои теоріи, направляя по извѣстной дорогѣ дѣятельность современныхъ имъ практическихъ врачей.

Главная бѣда почерковѣдѣнія въ томъ, что наблюденія врачей надъ измѣненіями почерковъ не даютъ возможности судить объ условіяхъ, при которыхъ замѣченное явленіе имѣло мѣсто. Очень рѣдко врачу приходитъ мысль прослѣдить измѣненіе по рукописямъ больного, писаннымъ до того момента, когда недугъ заставилъ его искать врачебной помощи.

Въ наукахъ опытныхъ, изъ наблюденій при однихъ и тѣхъ же условіяхъ или когда можно сдѣлать учетъ различія условій, получается только одно правильное заключеніе. Когда условія измѣняются, естественно, измѣняются и результаты; если же на условія не обращаютъ вниманія, то выводовъ сдѣлать вовсе нельзя. Получается только рядъ случаевъ и, какъ въ калейдоскопѣ изъ нѣсколькихъ кусочковъ разноцвѣтныхъ стеколъ составляется безчисленное множество мнимыхъ изображеній самыхъ сложныхъ фигуръ, такъ и изъ этихъ случаевъ можно сдѣлать также неопредѣленное количество теорій.

Судебная медицина упорно не хочетъ видѣть въ почеркѣ пособіе для рѣшенія нѣкоторыхъ своихъ задачъ; этотъ грѣхъ лежитъ, конечно, на судебныхъ властяхъ, которыя не привлекаютъ судебныхъ врачей къ графической экспертизѣ. Нѣтъ спроса, нѣтъ и предложенія. Отсутствие у юристовъ математической и естественно-научной подготовки порождаетъ недугъ, который можно назвать „экспертобоязнью“. Эта экспертофобія выражается въ отвращеніи не къ экспертизѣ вообще, но къ такимъ заключеніямъ экспертовъ, надъ которыми необходимо думать, которыя требуется уразумѣвать. Очевиднѣйшая цѣлѣность привлеченія учителей чистописанія или типографовъ къ изслѣдованію бо-

лѣзненныхъ почерковъ, нелѣпость очень хорошо сознаваемая самими слѣдователями и судьями, не мѣшаетъ и до сихъ поръ держаться этого дикаго обычая ради его удобства въ отношеніи формальному. Все, что отзывается духомъ математики, пугаетъ юриста. Одинъ изъ законовъ Юстиніанова кодекса носитъ названіе „De maleficiis, mathematicis et coeteris similibus“; этотъ забавный законъ, ставящій математика на одну доску съ мошенникомъ, гласитъ: „Ars autem mathematica damnabilis, interdicta est omnia“ (совершенно воспрещается достойное осужденія искусство математики). Чуждые математическаго мышленія, юристы отказываются вѣрить, что между какой нибудь душевной болѣзнью и измѣненіемъ почерка существуетъ связь и что послѣднее способно быть показателемъ первой.

Между тѣмъ, надъ результатами опытовъ д-ровъ Герikuра, Феррари и Рише, о которыхъ я буду говорить дальше, стоитъ очень и очень подумать какъ юристу, такъ и судебному врачу. Опытами этихъ ученыхъ доказано, что внѣшній видъ почерка измѣняется съ каждымъ измѣненіемъ сознанія человѣка; съ другой стороны извѣстно, что множество людей проводятъ всю жизнь въ состояніи „неполнаго сомнамбулизма“, при которомъ, по выраженію Шарко, больные спятъ даже тогда, когда, повидимому, находятся въ состояніи несомнѣннаго бодрствованія! Двойное сознаніе—явленіе гораздо болѣе частое, чѣмъ принято думать *). Нерѣдко обнаруживается, что люди, не подававшіе при жизни ни малѣйшаго повода заподозрѣть ихъ нормальное умственное состояніе и правоспособность, оказывались, впоследствии, одержимыми недугомъ двойнаго сознанія; такіе случаи встрѣчаются при разсмотрѣніи споровъ о дѣйствительности духовныхъ завѣщаній **). Вѣроятность ошибокъ сужденія „по сходству“ о принадлежности писаннаго рукъ того или другого лица, слѣдовательно, чрезвычайно велика, даже если не принимать во вниманіе другихъ причинъ измѣненія внѣшности почерка, а такихъ причинъ, какъ увидимъ, чрезвычайно много.

Боязнь *входитъ въ обсужденіе* вопросовъ, „коихъ оцѣнка или разсмотрѣніе требуютъ особыхъ ученыхъ, техническихъ или хозяйственныхъ свѣдѣній“ (ст. 515 У. Гр. Суд.) заставляетъ юриста-практика крѣпко держаться за учителя чистописанія, который даетъ не *заключеніе*, въ которое нужно вникать, а *мнѣніе*, избавляющее отъ такого тяжелаго труда. Доходитъ до того, что даже по вопросамъ собственной специальности слѣдователь предпочитаетъ имѣть чужое категорическое *мнѣніе*, чѣмъ самому ломать надъ ними голову. Одинъ судебный слѣдователь пригласилъ, напр. въ качествѣ эксперта

*) Binet. Altérations de la personnalité.

***) Legrand-du-Saulle. Etudes médico-légales sur les testaments. 1879.

«настоящаго судебного пристава мирового съѣзда (судился исправляющій должность пристава), и не считая себя, должно быть, достаточно компетентнымъ для того, чтобы точно опредѣлить смыслъ и значеніе постановленій объ описи и продажѣ имущества, заключающихся въ уставѣ гражд. судопр., предложилъ разрѣшить эти головоломные вопросы болѣе свѣдущему лицу, т. е. судебному приставу (по всей вѣроятности бывшему канцелярскому служителю или вольнонаемному писцу какого либо присутственнаго мѣста). Такимъ образомъ, кромѣ «протокола осмотра» въ дѣлѣ очутился еще и «протоколъ экспертизъ», въ которомъ экспертъ, ex-письмоводитель—разъяснялъ слѣдователю-юристу непонятный для сего послѣдняго смыслъ статей устава Императора Александра II и поучалъ его, какъ слѣдуетъ понимать ту или другую статью гражд. судопроизводства» *).

Ясно, что съ этой стороны почерковѣдѣніе не должно ожидать поддержки и поощренія; поэтому и судебная медицина болѣе склонна изошряться надъ разработкой приемовъ освидѣтельствованія лицъ обвиняемыхъ по 995 ст. ул. о наказаніяхъ (хотя едва-ли найдется врачъ, не сознающій устарѣлости этой статьи уложенія), чѣмъ искать въ почеркѣ полезныхъ наведеній.

Вѣроятноѣ, что почерковѣду протянетъ руку историкъ, для котораго наука о почеркахъ—драгоценная пособница. Тѣмъ генеологическихъ загадокъ найдетъ ключъ въ фізіографологіи, когда законы наслѣдственной преемственности почерка будутъ выяснены съ надлежащей точностью.

Мысль, что историку придется когда нибудь обратиться къ изученію фізіологическихъ законовъ письменной рѣчи высказывалась еще въ 1843 году знаменитымъ психофизикомъ Фехнеромъ; замѣчательно, что мысль эта пришла ему въ то время, когда вслѣдствіе мозговыхъ страданій онъ лишился на цѣлый годъ способности писать. Только край завѣсы, скрывающей отъ насъ тайны морфологіи почерковъ, едва приподнять изслѣдованіями самаго послѣдняго времени, можно сказать вчерашняго дня, и уже то немногое что мы узнали, даетъ право утверждать, что разобравъ содержаніе памятниковъ клинообразнаго, іероглифическаго и др. письма, мы использовали эти памятники лишь наполовину, а можетъ быть и того меньше. Всякій рисунокъ, исполненный человѣкомъ, есть результатъ компромисса между тѣмъ, что онъ *хотѣлъ* изобразить и тѣмъ, что онъ *могъ* изобразить, между желаніемъ и средствомъ его исполненія.

Отсюда индивидуальность въ живописи, индивидуальность въ почеркѣ. Не произволу изобрѣтателя обязаны своимъ происхожденіемъ письма; они явились результатомъ бессознательныхъ идеомоторныхъ движеній, а характеръ этихъ послѣднихъ вполне опредѣлялся съ

*) Бардзкій, А.—Предѣлы устности на судѣ уголовномъ. Журн. гр. и уг. права, 1889, мартъ, стр. 19—20.

одной стороны намѣреніемъ, съ другой возможностью. Мельвилль Белль *) пытается произвести очертанія буквъ латинскаго алфавита отъ зрительныхъ впечатлѣній, оставляемыхъ положеніемъ видимыхъ органовъ рѣчи во время произнесенія соответствующихъ звуковъ. Можетъ быть, это и не такъ; можетъ быть буква С не оттого имѣетъ свою полукруглую форму, что таковую-же принимаетъ языкъ при ея произнесеніи, а буква О обязана своимъ видомъ совсѣмъ не положенію губъ во время издаванія обозначаемого ею звука. Во всякомъ случаѣ, дѣйствовала если не указанная Беллемъ причина, то какая нибудь другая, созданная въ свою очередь предшествовавшими повторными слуховыми или зрительными впечатлѣніями.

Такъ возникло намѣреніе, но чтобы выполнить его, требовалось привести въ дѣйствіе многосложный письменодвигательный аппаратъ и сообразоваться съ границами его могущества. Эти границы, какъ мы далѣе увидимъ, состоятъ въ зависимости отъ множества общихъ условій, заложенныхъ въ схемѣ человѣческаго организма и частныхъ, индивидуальныхъ, присущихъ каждому отдѣльному исполнителю письма или цѣлой группѣ людей. Такимъ образомъ, даже въ выполненіи древне скандинавскихъ рунъ, вырѣзавшихся сначала на деревѣ, можно усмотрѣть исторію борьбы между стремленіемъ подражать римскому алфавиту и неприспособленностью къ нему скандинавскихъ исполнителей, **) т. е. уловить нѣкоторые законы образованія расоваго и индивидуальнаго почерка. Раскопки въ почеркахъ дадутъ не меньше историческаго матерьяла, чѣмъ раскопки въ курганахъ.

Какъ на попытку доказать это положеніе, я могу сослаться на работу д-ра Керавала, ***) о которой мнѣ придется часто говорить въ VIII главѣ. Задавшись цѣлью объединить письмена разныхъ народовъ и разныхъ временъ общими фізіологическими законами, д-ръ Кераваль изучилъ эти письмена и показалъ, что въ основаніи его догадки есть истина. Онъ прослѣдилъ путь, по которому люди *вынуждены* были идти, добиваясь умѣнья выражать графически свои мысли. Изслѣдованіемъ письменныхъ знаковъ древнихъ и восточныхъ народовъ въ ихъ постепенномъ развитіи и принимая во вниманіе участіе въ актѣ письма различныхъ составителей нашего письменодвигательнаго аппарата, Кераваль приходитъ къ нѣкоторымъ важнымъ, хорошо обоснованнымъ выводамъ.

Кераваль преслѣдуетъ чисто медицинскія цѣли: ему нужно найти объясненіе загадочнымъ явленіямъ афазіи, алексіи и аграфіи; тѣмъ не меньше, для почерковѣдѣнія книга его имѣетъ большое значеніе.

*) Popular Science Monthly, 1882, t. XXII.

**) Montelius, O.—Das Alter der Runeschrift im Norden. Archiv für Anthropologie 1888.

***) Keraval, P, d-r—Le langage écrit. Paris 1897.

Нельзя не имѣть въ виду новѣйшій характеръ изученія исторіи, выработавшійся въ послѣднее тридцатилѣтіе—характеръ документальный. Главнѣйшими источниками для изслѣдователя новой исторіи являются теперь архивные документы; для изслѣдователя древней исторіи—эпиграфическій матерьялъ или, какъ говорятъ, каменный архивъ, а также папирусы. Число вновь открываемыхъ и издаваемыхъ документовъ этого рода растетъ съ чрезвычайной быстротой; появляются особые сборники надписей по мѣсту происхожденія и по содержанию. Для почерковѣдѣнія это богатый матерьялъ именно потому, что открываемые и публикуемые документы весьма разнообразны: контракты, завѣщанія, частныя письма, приходы, счета и проч.

Почерковѣдѣніе возлагаетъ еще не малыя надежды на специалистовъ по школьной гигиенѣ, которые, по условіямъ своихъ задачъ, вынуждены серьезно заняться физиологіей почерка. Они уже и приступили къ этому дѣлу. Не лишнее отмѣтить, что работы этихъ ученыхъ прямо ведутъ къ упраздненію каллиграфіи и замѣнѣ ея стенографіей. Бернскій профессоръ Пфлюгеръ прямо говоритъ, что „каллиграфія не стоитъ затраченныхъ на нее труда и времени“ *). Проф. Ковъ требуетъ обязательнаго обученія стенографіи въ старшихъ классахъ, а Кристаллеръ **) убѣжденъ, что „упражненія въ стенографіи не только придаютъ ловкость, но служатъ существеннымъ образомъ къ совершенствованію ума, такъ какъ усиливаютъ быстроту пониманія.

Слѣдовательно, судъ рискуетъ остаться безъ экспертовъ-каллиграфовъ и слава Богу! Мюнхенскій психологическій съѣздъ 1896 г. согласился съ мнѣніемъ проф. Прейера, полагавшаго, что гораздо важнѣе наблюдать за свободнымъ развитіемъ почерковъ учащихся дѣтей въ связи съ ихъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, чѣмъ калѣчить ихъ, добиваясь красивописанія. Правильныя наблюденія за почеркомъ учащихся могутъ быть драгоцѣнны для педагоговъ, какъ средство оцѣнки качества мозга“ того или другого ученика, *мѣрило быстроты его мысли.*

Моя цѣль—показать, какими средствами располагаетъ въ настоящее время почерковѣдѣніе для разработки подлежащихъ ему вѣдѣнію задачъ и какіе пути намѣчаются для его дальнѣйшаго преуспѣанія. Такимъ образомъ выяснится степень жизнеспособности этой нарождающейся отрасли знанія.

Изслѣдованій, имѣющихъ такъ или иначе отношеніе къ почерковѣдѣнію произведено не мало, но они разбросаны повсюду и искать ихъ въ книгахъ и журналахъ всевозможныхъ спеціальностей—трудъ тяжелый и требующій много лѣтъ. Тѣмъ, кто заинтересуется изслѣ-

*) *Virenius*, А. С., д-ръ.—Рациональный способъ письма. 1898, стр. 60.

**) *Ueber unser Gymnasialwesen*. Leipzig. 1884.

дованіемъ почерковъ и захочетъ серьезно имъ заняться, эта глава моей книги облегчитъ работу собиранія матерьяловъ и дастъ хоть какую нибудь нить, чтобы не заблудиться въ лабиринтѣ. Съ этою цѣлью я указываю, въ выноскахъ, источники, изъ которыхъ мною заимствованы свѣдѣнія, усердно рекомендую читателю самому съ этими источниками ознакомиться.

Врачи, педагоги, антропологи, археологи и др. занимаются почерками настолько, насколько нужно каждому изъ нихъ для рѣшенія задачъ его специальности. Поэтому приходится обращаться къ литературамъ чуть-ли не всѣхъ существующихъ наукъ о человѣкѣ, добывая матерьялъ изъ котораго должно сложить зданіе почерковѣдѣнія, согласовать этотъ матерьялъ, привести его въ систему.

Чѣмъ глубже зарываешься въ эту работу, тѣмъ больше убѣждаешься, что въ почеркѣ—весь человѣкъ, со всѣми его физическими и духовными свойствами. Трудно повѣрить, напримѣръ, что между однимъ изъ элементовъ почерка и кривизной носа пишущаго или постановкой его ушей существуетъ вполне опредѣленная связь и, притомъ, такая, которая можетъ быть выражена математической функціей, математическими знаками! И, однако, это несомнѣнно; я покажу въ VIII главѣ, въ видѣ примѣра, въ чемъ состоитъ такая зависимость и попытаюсь доказать, что въ будущемъ, когда къ изученію почерковъ подойдутъ съ числомъ и мѣрою, она получитъ математическую форму!

Размѣръ и назначеніе этой книги вынуждаютъ меня коснуться только поверхностно всего, что сдѣлано уже для науки о почеркахъ; для полнаго изложенія всего собраннаго матерьяла пришлось бы напечатать нѣсколько большихъ томовъ. О психографологіи (или, вѣрнѣе, этографологіи) я буду говорить въ той лишь мѣрѣ, въ какой она можетъ интересовать судью и судебно-графическаго эксперта; къ услугамъ лицъ, желающихъ подробнѣе съ ней ознакомиться, есть большая литература на всѣхъ языкахъ *). Наоборотъ, по физиографологіи совсѣмъ нѣтъ сочиненій, которыя можно было-бы признать попыткой собиранія и систематизаціи матерьяловъ для почерковѣдѣнія; поэтому я считаю нужнымъ отвести ей больше мѣста, хотя и не обманываюсь надеждой, что гг. судебно-графическіе эксперты теперь-же почтять вниманіемъ этотъ отдѣлъ моей книги. Мнѣ жаль, если трудъ, на который я потратилъ много лѣтъ, пропадетъ совсѣмъ безплодно, и это заставляетъ меня „исполнить долгъ, завѣщанный отъ Бога мнѣ грѣшному“. Хочется все таки думать, что „когда нибудь экспертъ трудо-

*) На русскомъ языкѣ *Ахшарумовъ, И. и Тишковъ. Ф. Графологія, или ученіе объ индивидуальности письма. (Объ отношеніи почерка къ характеру). Съ приложеніемъ типичныхъ автографовъ. Рига. 1894 г. Ц. 2 р.*

любивый, найдетъ мой трудъ усердный, безыменный; засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду“ и... придетъ къ убѣжденію, что дѣло графической экспертизы далеко не такъ просто, какъ ему казалось.

Я нисколько не сомнѣваюсь, что въ недалекомъ будущемъ появленіе въ судѣ въ качествѣ изслѣдователя (нераспознавателя) почерковъ, каллиграфа съ „пламевидными“ штрихами или фотографа „съ свѣтомъ, проходящимъ черезъ конденсаторъ“, будетъ возбуждать въ обществѣ такое же недоумѣніе, какое возбуждало бы теперь появленіе, въ роли эксперта, деревенскаго колдуна или гадальщицы. Если изданіе этой книги поспособствуетъ скорѣйшему наступленію такого времени, я буду въ правѣ повторить слова латинскаго эпиграфа, поставленнаго въ началѣ настоящей главы.
